

ЗАМОК КУРАНС: ОТ „САДОВ ЛЕНОТРА“ К ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРОЕКТАМ ВАЛЕНТИНЫ ДЕ ГАНЭ

В 2013 году на французском рынке появилась новая марка продуктов — «Сады Куранс» («Jardins de Courances»). Одна из наследниц замка Куранс и главный инициатор проекта Валентина де Ганэ возродила давнюю традицию — поставки европейскими поместьями прошлых веков своей продукции королевским дворам. Но теперь основными потребителями стали жители департамента Эссон региона Иль-де-Франс, к которому относится замок Куранс, и парижане, небезразличные к качеству и эстетическому виду продуктов. Так была открыта новая страница в истории одного из самых примечательных поместий, которое на протяжении почти шести веков своего существования не переставало меняться.

*Вид на парадный фасад замка Куранс и водяной ров.
Фотография Е. Е. Дмитриевой*

Примечательна история замка Куранс, который с 1983 года входит в реестр исторических памятников Франции. Это поместье-обманка, поместье-палимпсест, чья

строгая и стройная архитектура скрывает эклектику его частей.

Первое документальное свидетельство о Курансе, расположенном в 47 км к юго-востоку от Парижа, относится к 1552 году, когда Ком Клосс (Come Clausse), нотариус и государственный секретарь Генриха II, имевший уже в своем владении соседнее поместье Флёри-ан-Бьер, купил для своего второго сына Пьера, секретаря Королевской счётной палаты, земли на западной оконечности лесов Фонтенбло. В 1622 году внук первого владельца продал эти земли ещё одному королевскому нотариусу — Клоду Галлару, с именем которого долгое время связывались как проектирование парка в период между 1622 и 1630 годами, так и закладка замка в форме латинской буквы «Н» на четырёх-угольном плато, опоясанном водяными рвами, имеющими во французском языке специальное обозначение: douves. Несмотря на то что недавние архивные разыскания показали, что разбивка парка была начата ещё первыми владельцами, представителями клана Клоссов (при них, в частности, был вырыт в парке Большой канал — le Grand canal, второй по счёту во Франции¹), первое иконографическое свидетельство о замке относится уже к «эпохе» Галларов. Речь идёт об уникальной картине — портрете Анны Вьялар, первой супруги Клода II Галлара. Выполненная в середине 1650-х годов одним из братьев Бобренов (Анри или Шарлем — оба были художниками) и известная под названием «La Dame de Courance» картина изображает одну из первых хозяек Куранса. В правой руке дама держит палитру и кисти, а левой указывает на картину с изображением замка и прилегающего к нему парка, который имеет ярко выраженные классические очертания.

До недавнего времени создание парка Куранс приписывалось Андре Ленотру, который будто бы работал над ним в период между 1636 и 1678 годами по заказу

¹ Первый во Франции садовый «большой канал» появился во Флёри, а третий, уже после Куранса, — в Фонтенбло.

Клода II Галлара (ещё одна легенда, возникшая на самом деле лишь в конце XIX века, но об этом позже). Всё изменилось после того, как искусствоведы Тьерри Марьяж и Сильви де Гаспери опубликовали свои открытия. Т. Марьяж, работая с документами Ленотра, открыл, что закладка парка началась уже при Клоде I Галларе, когда Андре Ленотру едва ли исполнилось 20 лет, и даже нашёл финансовые документы, подтверждающие, что счета Галлар выписывал на имя не Андре, но его отца, Жана Ленотра. С. де Гаспери на основе архивных разысканий доказала, что парк существовал уже в 1622 году, когда первые его владельцы (Клоссы) продали своё имение Клоду I Галлару¹. Открытие это имело принципиальное значение, продемонстрировав, что то, что долгое время считалось и воспринималось как классический парк эпохи Людовика XIII и Ленотра, было задумано ещё в конце XVI века как характерный для эпохи Ренессанса сад на воде (*jardin d'eau*) и лишь позже «подправлено» в классическом стиле — возможно, всё тем же Жаном Ленотром.

Подобного рода сады на воде пришли на смену средневековому огороженному саду (*hortus conclusus*), а сами предшествовали паркам классическим, то есть собственно «французским». С середины XVI века вода начинает занимать всё большее место в европейских садово-парковых проектах; мода на сады (парки) на воде, пересечённые сетью каналов и других водоёмов, в это время столь велика, что они создавались даже в тех местах, где естественных источников воды не существовало либо они были невелики². Поэтому такое большое распространение получили начиная с XVI века сады, разбитые на землях, богатых источниками, и даже в болотистой местности (например, на севере долины Луары, где расположены

знаменитые замки Луары). В XVII веке эти же причины обусловили популярность садов на воде в Нидерландах, Венеции и Ломбардии³. Объясняется популярность садов на воде прогрессом в развитии гидравлической техники, появлением новой системы дренажа и ирригации садов, а также стратегическими мотивами: опоясывающие замок рвы (*douves*), наполненные водой, превращают его «платформу» в остров и становятся хорошей защитой от врага, что было особенно важно в эпоху религиозных войн. Впрочем, этот практический аспект объяснял далеко не всё. Основная причина моды на водные сады — изменение в XVI веке «статуса» самой воды, которая начинает восприниматься в первую очередь как услада для глаз. Разветвлённая сеть ортогональных каналов и других водоёмов, окружённых газонами, «направляет» теперь прогулку по парку, имеющую в первую очередь чувственный характер. «Дикая», естественная вода уступает место воде «одомашненной».

Куранс представляет собой идеальный сад на воде благодаря обильным грунтовыми водам и источникам в этой местности (только на территории парка их 14, не считая протекающей по восточному краю парка реки Эколь). Система подачи воды подчинялась здесь течению подземных вод, что объясняет причудливую игру водоёмов, почти невозможную там, где работают гидравлические насосы. Считается, что и своё название Куранс получил от «проточной воды», которая течёт (*бежит, court*). «Три чуда Франции: Буа-де-Сели, лука Флэри и воды Куранс...» — говорили при дворе Людовика XIII, который, согласно легенде, когда останавливался в соседнем Фонтенбло, имел обыкновение пить воду из одного из источников в поместье Куранс, за которым так и закрепилось название «Королевский фонтан».

¹ См.: *Mariage Th.* L'Univers de Le Notre et les origines de l'aménagement du territoire // L'Univers de Le Notre. Liège, 1990; *Gasperi S. de.* Le Château et le Parc de Courances // Bulletin de la Société historique et archéologique de Corbeil, de l'Essonne et de Hurepois. 1990 (1991). P. 82–102.

² См.: *Frenois L., Martin Chr.* Histoires d'eau // Courances / Sous la direction de V. de Ganay et L. Le Bon. Paris: Flammarion, 2003. P. 90.

³ *Boudon Fr.* Jardins d'eau et jardins de pente dans la France de la Renaissance // Architecture, jardin, paysage. L'environnement du château et de la villa au XI et XVI siècle / Etudes réunies par J. Guillaume. Paris, 1999. P. 137–183.

Разумеется, 17 водоёмов, существующих на сегодняшний день на территории парка Куранс, появились не сразу. Почти каждый владелец добавлял ту или иную «водную гладь», однако основа сада на воде была заложена именно в конце XVI века. В парке Куранс можно изучать разнообразие архитектурных решений водоёмов, для обозначения которых во французском языке существует богатая палитра лексем, не всегда имеющих эквиваленты в русском языке. Перечислим лишь некоторые: помимо Большого канала длиной в 600 метров, спрятанного в боковой части парка и невидимого из окон замка, обход которого (по-французски — *déambulation*) имел почти что сакральное значение, помимо окружающих замок рвов, наполненных водой (*douves*), в парке имеются: *salle d'eau* (водный зал с примыкающим к нему гротом), *miroir* (водное зеркало, по сути ещё один канал, идущий от партера замка в глубину сада), *parres* (каскадная система прудов).

Водный каскад в парке Куранс. Фотография Е.Е. Дмитриевой

Все они, в совокупности со скульптурными группами, символически связанными с темой воды, создают мизансцену, декорацию, сопровождающую театральное действие, которое в Курансе воздействует на все органы чувств. К визуальным и обонятельным впечатлениям добавляются исходящие от воды звуки, играющие здесь большую роль: спокойная гладь водного зеркала контрастирует с журчанием источников и ручейков, шумом фонтанов-монстров, называемых в Курансе *geulards* и выглядящих как дельфины с головами чудовищ.

Один из первых историков парка Куранс, известный знаток садов Эрнест де Ганэ писал: «Каждый сад (парк) есть автобиография, он отражает в каждый момент своей истории судьбу своих владельцев»¹.

И действительно, к середине XVII века Жан Ленотр внёс классическую ясность в рисунок сада. Возможно, в Курансе работали позже и другие архитекторы. Во всяком случае, именно при новых владельцах, Галларах, была высажена парадная аллея между двух каналов (*allée d'honneur*), спроектирована большая перспектива, открывающаяся со стороны замка на каналы и бассейны.

В XVIII веке замком Куранс, как и парком, занялась Анн-Катрин Галлар, в замужестве маркиза де Новьон, внучатая племянница первой хозяйки замка, изображённой на упомянутой выше картине. Прибегнув к помощи архитектора Шайе (*Chayé*), она освободила от служб главный двор. По её распоряжению были разрушены стена и высокий портал, скрывавший замок, установлена решётка перед ведущим к замку подвесным мостом. Но главное — именно ей принадлежит идея создания водного зеркала (*le grand Miroir*) и въездной (парадной) аллеи лип, по общему признанию одной из самых прекрасных во Франции. По её желанию были открыты перспективы. Господствующая мода на английские сады и её собственное увлечение стилем рококо определили нововведения в Курансе.

Продолжили модернизировать замок её внучка Леонтина-Филиппина де Новьон вместе с мужем Эмаром де Николаи (1775–1777), считающимся инициатором первого возрождения Куранса. Въездная аллея лип была заменена аллеей платанов, существующей и по сей день. Чета Николаи попыталась придать парку классический (а на самом деле неоклассический) вид, упразднив элементы рококо, которые были столь

¹ *Ganay E. de. Les jardins à l'anglaise en France au XVIII siècle. Цит. по: Mossier M. Le génie du lieu et les interminances de la mémoire // Courances / Sous la direction de V. de Ganay et L. Le Bon. P. 97. Рукопись находится в библиотеке декоративных искусств в Париже.*

дороги маркизе де Новьон. Это отвечало и общей тенденции развития садово-паркового искусства: даже накануне Великой французской революции, в эпоху моды на английские сады, теоретики этого искусства признавали, что только регулярный сад отвечает идее величия и благородства.

Казалось бы, заброшенные усадьбы — характерный сюжет русской истории и литературы. Однако эта судьба не миновала и французские замки, в том числе и Куранс. Во время революции Эмара Николаи вместе с сыном казнили на гильотине. Отошедшее республике имение было, правда, довольно скоро возвращено семейству Николаи последний представитель которого, Теодор де Николаи, будучи легитимистом, скрылся в 1830 году, после свержения Карла X, в Швейцарии. Оставленное им имение окончательно пришло в упадок. Существует свидетельство художника Жюля ле Кёра о состоянии Куранса в 1860-х годах: «Мы отправились в среду в 2 часа пополудни, Сислей, Ренуар и я, через лес, и к 7–7:30 мы добрались до деревеньки Милли. На следующее утро... мы отправились в Куранс, где находится прекрасный замок, оставленный маркизом Николаи. Окружённый водой и не поддерживаемый никем, он растворяется понемногу в пространстве, как кусок сахара, оставленный во влажном месте»¹.

В запустении Куранс пребывал почти полвека, пока в 1872 году его не купил берлинский банкир барон Самуэль фон Хабер (1812–1892), оказавшийся в Париже в изгнании — по легенде, за интригу с дочерью великого герцога Баденского. В Париже он стал известен уже как Самуэль де Абером. Когда барон умер, состояние его составляло 80 тыс. франков — по тем временам гигантская сумма. С появлением де Абера начинается новая, возможно, наиболее интересная эпоха в истории замка Куранс.

К тому времени, когда де Абер приобрёл Куранс, все водоёмы оказались

заиленными и покрытыми водорослями, а естественный избыток воды в этой местности превратил большую часть парка в обширное болото. Очистление вод Абер поручил модному в то время архитектору Г.И. Детайеру (впоследствии он будет заниматься также и восстановлением замка Во-ле-Виконт), который разработал детальный план реновации и подсчитал площадь водной поверхности, которую надо было освободить от ила, — 57 000 квадратных метров. Вопрос о том, что делать с илом, архитектор решил остроумно — использовал его для герметизации технических каналов и рвов, некогда отделявших замок от партера.

Следующим хозяином замка стал граф Октав де Беаг (1827–1879), крупнейший коллекционер² (его художественные собрания послужили для братьев Гонкур источниками при написании исторических трудов и в работе над романом «Манетт Саломон»). За него в 1866 году вышла замуж дочь Самуэля де Абера Лора. Именно Октаву де Беагу принадлежит идея воссоздать в Курансе знаменитую подковообразную лестницу дворца Фонтенбло, заменив ею прежнюю парадную лестницу. И именно по его инициативе под руководством Г.И. Детайера началась реконструкция замка. Был выбран смешанный стиль времён Генриха IV и Людовика XIII, что превратило Куранс в классическое французское поместье времён абсолютизма.

Примечательно, однако, что если в 1870-е годы Детайер перестраивает замок в стиле Людовика XIII, украсив его никогда ранее не существовавшей в Курансе узорной кирпичной кладкой, то парк, напротив, из классического французского он трансформирует в романтический английский. С этого времени начинается борьба английского и французского стилей в Курансе.

В 1892 году хозяйкой поместья оказывается Берта, старшая дочь Октава де Беага.

¹ Письмо Жюля ле Кёра от 1866 года. Цит. по: *Mossier M. Le génie du lieu et les intermittences de l'histoire // Courances / Sous la direction de V. de Ganay et L. Le Bon. P. 112.*

² См. о нём: *Catalogue des livres rares et curieux composant la bibliothèque de M. le Comte Octave de Béhague. Paris, 1880.*

Надо сказать, что обе дочери графа, Берта и Мартина, стали заметными фигурами в истории французской культуры и замка Куранс в частности. Старшая, Берта де Беаг, вышла замуж за любителя искусств маркиза Жана де Ганэ (1861–1948), стала матерью семейства, прилежно исполняющей светские обязанности. Она была «увекочена» в пьесе Абеля Эрмана «Le Faubourg» (1900), своеобразной карикатуре на нравы предместья Сен-Жермен. Её младшая сестра Мартина стала воплощением эмансипированной аристократки fin de siècle. Она скупала ценнейшие произведения искусства, была меценаткой, поддерживала Айседору Дункан, Верлена, русские балеты, путешествовала в экзотические страны и, по преданию, послужила прототипом одной из аристократок, описанных Марселем Прустом в романе «У Германтов».

Именно Берте принадлежала инициатива очередной «революции» в замке. На этот раз в Куранс были приглашены отец и сын Дюшени, Анри и Ашиль¹. Перед ними стояла задача восстановить не только замок, но и парк во французском стиле. Началась эпоха Дюшени в истории Куранса. В 1899–1914 годах они заново «придумали» сад, возвратив ему «французскую стилистику». Так рождается ещё одна легенда о садах Куранса, будто бы созданных великим Ленотром, и ещё одна стилизация.

Именно к этому времени относится появление на крайней точке Водного зеркала знаменитой статуи нимфы Аретузы, созданной в 1706–1711 годах Клодом Пуарье (1656–1729) и купленной на аукционе бароном де Абером. Ранее скульптура находилась в боскетах Марли, украшая фонтан Нимфы, затем оказалась в парке

маркизы Помпадур в Бельвю и лишь позднее — в Курансе².

Для украшения парка были приобретены и другие статуи, среди них копия фигуры фавна из собрания Боргезе, находящаяся

Статуя нимфы Аретузы работы Клода Пуарье. Сады Куранс. Фотография Е. Е. Дмитриевой

ныне в Лувре. Исторически они создавались для разных ансамблей и, следовательно, не имели единой программы.

«Спор» французского и английского стилей окончился компромиссом. Считается, что Берта, маркиза де Ганэ, сдерживала неоклассические новации Ашиля Дюшени, пытаясь сохранить английскую часть парка. Восстановлены были аллеи, которые вели к замку по центральной оси, в то время как остальная часть парка осталась пейзажной, там преобладали извилистые аллеи, более характерные для английского стиля.

И всё же Эрнест де Ганэ (шурин владельца замка) высоко оценил именно классическую составляющую произведённой в парке пейзажной реконструкции: «Это очень хорошее восстановление старинного парка, которое упразднило дурной пейзажный стиль эпохи Второй империи. Дюшен с Бертой продолжили дело Детайера, но придали ему классическую

¹ Mosser M. Les Duchène et la reinvention de Le Notre // Histoire des jardins de la Renaissance à nos Jours / Sous la dir. de M. Mosser et G. Teyssoit. Paris, 1991. P. 442–446.

² Chargeat M. La nymphe de Marly, par Claude Poirier, retrouvée dans le parc de Courances // Bulletin de la Société d'Histoire de l'Art Français. 1954 (1955). P. 210–213; Papet E., Scherf G. La statuariaire du parc de Courance // Courances / Sous la direction de V. de Ganay et L. Le Bon. P. 181–186.

строгость и одновременно сохранили уважение к водным истокам сада»¹.

С этого времени хозяевами Куранса стали представители семейства де Ганэ, и легенда о садах Ленотра окончательно закрепилась за изысканной обманкой fin de siècle².

Сначала об этом написал аббат Буле: в 1893 году он назвал Куранс жемчужиной Ленотра. Затем журналист Люсьен Корпешо (вместе с Бертой де Беаг он состоял в комитете Общества любителей садов, основанном в 1912 году в преддверии 300-летнего юбилея Андре Ленотра) упомянул в инвентаре парков, приписываемых Ленотру, также и Куранс³. Эту атрибуцию использовал, но с большей осторожностью, и Эрнест де Ганэ: он представил её скорее как гипотезу, ничем не документированную⁴.

На протяжении веков парк Куранс постоянно менялся. Каждый владелец привносил в этот процесс что-то своё. Сад на воде, французский классический парк XVII века, парк в псевдоклассическом стиле XIX века были дополнены японским садом. Он был создан уже в 1930 году женой Юбера де Ганэ, аргентинской красавицей Рохитой Бемберг, известной по портрету живописца парижской школы Цугухару Фудзиты. Помогала ей в создании сада Кэтлин Ллойд Джонс, первая профессиональная женщина-садовник в Европе.

Имение серьёзно пострадало во время Второй мировой войны, пережив три оккупации. Сначала в Курансе были расквартированы группы специального назначения Люфтваффе, затем в 1944–1946 годах — американский дисциплинарный лагерь, а в 1949–1955 годах Куранс был резиденцией маршала Монтгомери, штаб которого находился в Фонтенбло. Последний раз поместье восстановлено было (почти

из пепла) последним его владельцем Жан-Луи де Ганэ и его женой Филиппиной де Ноай в конце 1940-х — начале 1950-х годов.

Куранс отличается от множества других замков отсутствием музеефикации. Замок и парк постоянно меняются. И тому свидетельство — экологический проект Валентины де Ганэ, сочетающий практическую пользу и эстетику. В Куранс в XXI веке приезжают не только любопытствующие туристы, но и любители современного искусства, представленного на выставках и во время акций, регулярно устраиваемых в парке, а также гурманы и те, кто интересуется новейшими тенденциями в развитии сельского хозяйства.

Несколько лет назад историк искусства Анни ле Брен сделала сенсационное открытие: под именем Люранс сады Куранса описаны в одном из культовых романов XX века — романе «Суперсамец» Альфреда де Жарри. Самое поразительное, что именно гидравлическая система Куранса, использование воды для бесконечного, ничем не ограниченного производства электричества, наконец «миражность» поместья и его стилевой «обман» во многом определили завязку этого романа с его пафавизикой и апологией сверхвозможного⁵.

Е. Е. Дмитриева

Работа выполнена в ИМЛИ РАН за счёт средств гранта РФФИ №18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

¹ *Mossier M. Le génie du lieu et les intermittences de la mémoire. P. 119.*

² См.: *Guiffrey J. André le Notre. Paris, s.d. [1912]. P. 64.*

³ *Corpechot L. Les Jardins de l'Intelligence. Paris, 1912.*

⁴ *Ganay E. de. Montmirail, Courances, Fleury en Biere // La Gazette illustrée des Amateurs de Jardins. 1951–1952. P. 10.*

⁵ *Le Brun A. Une grandeur qui laisse grandir // Courances / Sous la direction de V. de Ganay et L. Le Bon. P. 187–192.*